

Сергей
Степанов-Прошелец

ОСЕННИЙ ПРИЗЫВ

* * *

Этот поезд летит, словно крик,
что сорвался с откоса
вместе с гаснувшим эхом,
и вовсе неведомо нам,
что с ликующим лязгом
его проезжают колёса
по клубничной душе,
оставляя уродливый шрам.

Будет время, которым не надо,
наверно, гордиться
и не надо ссылаться
на этот неправильный год,
потому что свободны
лишь облако в небе, да птицы,
если только стихия
парение их не прервёт.

Не спасут ордена
и наличие царственных лысин,
седина на висках –
вряд ли что-нибудь выручит нас,
от ухабов судьбы
каждый в степени равной зависим:
есть закон тяготенья,
закон притяжения масс.

За окном тополя
оскелетил прожорливый хищник,
что зовут ноябрём,
полузимник морозит уже,

и последний привет от тепла
так коварно похищен,
что уже всё равно,
что случится на том вираже.

* * *

Тот барак именовался: «Баня»,
но обман всё это на обмане:
нечем вовсе отмывать салаг –
мы ещё тогда совсем не знали,
что вода здесь только привозная,
что она – любых дороже благ.

Мы не знали то, что с нею тяжко,
что её положено полфляжки,
и что пахнет хлоркою она,
что мы будем жить зимой в палатке,
а с зимы, известно, взятки гладки:
нет тепла – то не её вина.

Нам не отогреться до июля,
когда мухи носятся, как пули,
когда пот стекает в сапоги,
но тогда внезапно станет ясно,
почему так в мире всё контрастно:
потому, что мы ему – враги.

Но враги ли? По большому счёту,
мы его не посылали к чёрту
и совсем не замышляли месть.
Да, он запрещает самостийность,

но, проверив нас на совместимость,
он признал: она как будто есть.

Я ему признателен за это:
за испепеляющее лето,
что в буран не видно ничего,
что в степном и выюжном Казахстане
мы однажды все, наверно, станем,
пусть слегка – похожи на него.

САКСАУЛ

Не верилось мне,
что была изошрённая месть –
нелепый расклад
обернулся совсем не прогулкой.
Я спички жевал,
потому что хотелось мне есть,
хотелось курить,
да вот не было даже окурка.

Я шёл за водой,
только я заблудился в степи,
глазел не туда,
а смотреть было нужно мне в оба.
И вот я сижу,
непослушные руки сцепив,
проявлен на солнце
как будто туркменская вобла.

Чуток отдохну
и продолжу безумный загул.
Я выжить хочу –
цель теперь я свою обозначу.
Но что это? Чудо!
Здесь чёрный растёт саксаул,
а это – спасенье,
единственный шанс на удачу.

И ветки его
мне не кажутся вовсе горьки –
верблюды их смакует,
как будто жуёт ананасы.
И вроде уже не совсем от меня далеки
забытые люди
и даже дорожная насыпь.

Прощай, мой спаситель,
прощай, саксауловый куст,
и эти ветра,
что всегда налетают кагалом.
Простите, друзья,
что бидон мой по-прежнему пуст,
зато я обрёл ту уверенность,
что не хватало.

* * *

Была ноябрь склерозная слизь,
и мне казалось тогда,
что дни в сплошную метель слились,
и небо скрыла вода.

Травил меня, как какой-то яд,
казарменный нищий быт.
Где небо, в которое кинешь взгляд
и будешь тем небом сыт?

Где этот зелёный лепет лесов,
что сердце когда-то грел?
Закрыто всё на глухой засов,
утоплено в сизой мгле.

И выхода нет, однозначно нет,
и снова тоска томит,
и взгляд застревает в мёрзлой спине
облачных пирамид...

Но завтра всё станет совсем иным:
исчезнет куда-то сор,
и я увижу не облачный дым,
а свой незабытый сон.

И степь предстанет совсем другой,
станет добрее вдруг.
Я здесь теперь совсем не изгой,
я – её первый друг.

И когда вновь случится весна,
когда холодам отруб,
то прикоснется ко мне она
тюльпанами тёплых губ.

* * *

Раздвину времени я поля,
чтоб вновь испытать восторг.
Ромашковой головой полян
уткнётся мне в грудь простор.

Ковыль, типчак и гусиный лук –
я это всё постигал.
Летит, чагравая*, как тузлук,
ленивая пустельга.

И этот воздух – упругий, как
сайгачий большой прыжок,
и толстый вылинявший байбак
чего-то ждёт, напряжён...

Чего хочу я?
Да лишь того,
чтобы не видеть крыш,
чтобы со всех четырех сторон
мир был, словно степь, открыт.

Чтобы я музыкой той дышал,
где не слышать гудки,
чтобы летела моя душа
с ветром вперегонки.

* Чагравая – буря.

* * *

В палатке вьюгу я стерпел
и онемел, когда я выжил:
глаза тюльпанные степей
раскрылись по команде свыше.

Ещё местами снег лежал,
и лету не было резона,
но душу резал без ножа
тот алый свет – до горизонта.

За что я это заслужил?
Я только без году неделя.
Я был всего лишь пассажир
на мокрой палубе апреля.

И жаркий солнечный огонь
в минуту осушал болотца...

Я ждал мгновения того,
когда та кровь в мою вольётся.

Мне это запрещал главком,
но я не внял его веленьям.
Не подчинился. Стал цветком
я в самоволке опыленья.

* * *

Опять тошнотный этот день,
нельзя нигде охолонуть.
Жара, как в преисподней, где
от зноя закипает ртуть.

Палатка – душный саркофаг,
и дело в том, и дело в том,
что солнце здесь не друг, а враг,
который вялит нас живьём.

Но это солнечное бра
не заслужило бранных слов:
чтобы постигнуть суть добра,
знать надо, что такое зло.

Оно коварно, как шайтан,
само себя не тратит зря.
Оно таится где-то там –
за равнодушьем сентября.

В степи, что плоская, как плот,
оно, как медный купорос,
мгновенно вытравит тепло
в сорокаградусный мороз.

И, костenea на ветру,
я думаю, что дьявол с ним,
мне всё равно, ведь я помру,
не путая одно с другим.

ШАХТНЫЙ ВАРИАНТ

Здесь ветер роет землю, как кетмень,
закат алеет в небе тёмно-буром.
До Тюратама – тысяча кэмэ,
его зовут пока не Байконуром.

Но в небе шлейф
 из разноцветных лент,
 и здесь не стой, не разевай жевало:
 ведь каждый пуск ракеты – это след,
 кровавый шрам,
 и он не заживает.

И ничего хорошего не жди –
 не потому ли тянет так на север? –
 опять пойдут кислотные дожди,
 и здесь мы как-то рано полысеем.

Но мы ещё всех не постигли тайн,
 ещё в святом неведеньи парим мы.
 Нацелены ракеты на Китай,
 который стал врагом непримиримым.

Да, за Даманский так болит душа,
 но рядом смерть,
 так много смерти рядом:
 упрятаны во мглу глубоких шахт
 боеголовки с ядерным зарядом.

Зачем я здесь,
 страны своей солдат?
 Зачем я в завтра не гляжу со страхом?
 Неужто снова возвратится ад
 и всё погибнет,
 станет жалким прахом?

Но я живу.
 Пока ещё я есть.
 И я не маюсь смертною тоскою.
 Быть может, то, что нахожусь я здесь,
 и есть залог непрочного покоя?

* * *

В степи, что никогда не знала леса,
 я шёл вторые сутки наугад,
 не понимая вовсе ни бельмеса,
 о чём мне по-казахски говорят.

А я просил мне показать дорогу
 к ракетной части – не поймут никак,
 но был обед, и чемергеса* много,
 а на закуску – сочный бешбармак.

И суть не в том, что нет дороги торной,
 что жизнь пошла –
 сплошной адреналин.
 Нет в мире одиночества просторней,
 страшнее, если ты в степи один.

И надо просто радоваться маю,
 что будет после, будет миражом,
 ведь я теперь прекрасно понимаю,
 что говорят на языке чужом.

И ерунда, как выглядит снаружи
 селенье то, где у собак парша,
 ведь главное: толмач уже не нужен,
 когда раскрыта, как тюльпан, душа.

** Чемергес – острое блюдо из протертых помидоров, хрена и чеснока; в Казахстане так называют самогон.*

* * *

Я восхищался тем простым народом:
 мои сержанты, из глубинки родом,
 меня учили по сто раз на дню.
 Что не умел я, то они умели,
 и я, свой пыл горячий приумерив,
 завидовал напору и огню.

Какая хватка в достиженьи цели!
 Мы это по достоинству оценим
 потом, на стыке горя и побед.
 В любом успехе их большая доля.
 Но под какой счастливою звездой
 они явились вдруг на белый свет?

Но никакого тут секрета вроде:
 всё дело в приближении к природе,
 когда нагладен лишь её пример,
 а в городе, в трущобах и высотках,
 сдаётся мне, что даже воздух соткан
 из паутины всяческих химер.

И тонем мы в той непонятной буче,
 нас ничему, как надо, не научат,
 и на устах – давно одна хула,
 а не какой-то взвешенный анализ...
 Куда же вы, сержанты, подевались –
 ребята из сибирского села?

* * *

М. М.

Сядем молча за прибранный стол,
выпьем сразу не граммов по сто,
а, как в том азиатском бедламе,
по стакану за тех, кто ушёл,
кто не сел с нами нынче за стол,
но кто вечно останется с нами.

Быстро наши рedeют ряды.
Что есть жизнь? Это вьющийся дым,
он обманет, как первые жёны,
не прибавит здоровья и сил,
и всё то, что в душе сохранил,
измочалит, как мельничный жёрнов.

Наливай же ещё и ещё,
чтобы затхоль и бедность хрущоб
мы забыли на время хотя бы.
Наши помыслы были чисты,
но вели к ним другие мосты
и не встретился с нами Хоттабыч.

А теперь...
Что поделать теперь?
Впрочем, я не такое стерпел,
да и ты. Что об этом талдычить?
Потому-то и жизнь не пряма,
потому и приходит зима,
как охотник, что в поиске дичи.

г. Нижний Новгород

